

Александр Александрович Филипченко (1884–1938): у истоков экологической паразитологии

С.И. Фокин

Университет Пизы, Пиза, Италия и Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия; sifokin@mai.ru

В статье впервые приведена биография одного из основателей экологической паразитологии в России — медика и паразитолога А.А. Филипченко, судьба и участие которого в становлении этой биологической дисциплины долгое время замалчивались. Одна из очевидных причин этого — гибель учёного в 1938 г. в ходе массовых репрессий Советского государства против собственных граждан. Русский политкаторжанин, эмигрант и выпускник медицинского факультета Римского университета, младший брат основателя Петроградской генетической школы Ю.А. Филипченко, Александр Александрович включился в паразитологические исследования только с 1923 г., и меньше чем за 15 лет активной научной деятельности стал признанным учёным и педагогом. После его гибели чтение университетского курса общей паразитологии и написание соответствующего учебника осуществил В.А. Догель, который обычно и считается единоличным основателем научной школы экологической паразитологии, что не совсем верно.

Ключевые слова: Александр Александрович Филипченко, Валентин Александрович Догель, Ленинградский университет, догелевская научная школа, экологическая паразитология.

Одна из крупнейших отечественных научных школ в области паразитологии — школа Валентина Александровича Догеля (1882–1955) — возникла на рубеже первой трети XX в. и успешно развивалась, прежде всего, в Ленинградском государственном университете (ЛГУ). Факт широко известный и всеми признанный (Догель, 1935; Полянский, 1939, 1962; Райков, 1953; Мальчевский, Полянский, 1969; Мазурмович, Полянский, 1980; Александров, 1984). До сих пор имя Валентина Александровича, учёного-зоолога с широчайшим кругозором, блестящего педагога Петроградского-Ленинградского университета, пользуется заслуженной известностью. Он во многом создал не только паразитологическую, но и протозоологическую отечественные научные школы и воспитал несколько поколений учеников, продолжавших развивать догелевские традиции и идеи в научных и учебных заведениях России и других стран (Фокин, 2002, 2007, 2011; Fokin, 2002). Однако профессор Догель не был единственным учёным, занимавшимся тогда проблемами паразитологии в ЛГУ.

Как ни странно, история создания и начального этапа развития паразитологической школы Догеля, а речь, прежде всего, идёт об экологическом направлении, созданном им в ЛГУ, до сих пор весьма слабо освещена в литературе. Собственно была опубликована лишь одна статья (Александров, 1984), где делалась попытка более-менее подробно осветить этот период. Отчасти это может быть связано с тем, что помимо В.А. Догеля и его прямых учеников в данном случае надо было бы говорить о коллегах и соратниках учёного — прежде всего о В.Д. Зеленском (1879–1930) и А.А. Филипченко (1884–1938) и привлекать разнообразные архивные материалы, без которых немислимо серьёзное исследование по истории науки¹. Опубликованные сведения

¹ Большинство писавших о научной школе Догеля были его современниками и мало пользовались архивными материалами.

о первом из этих учёных и его роли в становлении паразитологии в ЛГУ ограничиваются пока некрологом (Федотов, 1930), уже упомянутой работой Д.А. Александрова (1984) и краткой справкой о жизни и научной деятельности профессор В.Д. Зеленского (Фокин, 2006). Основной массив биографических данных о Владимире Даниловиче — это материалы, хранящиеся в нескольких петербургских архивах и лишь в небольшой степени изученные и опубликованные мною к настоящему времени (Фокин, 2006, 2011). О втором из коллег Догеля — Александре Александровиче Филипченко опубликовано ещё меньше, а между тем именно он должен считаться соавтором В.А. Догеля по созданию Ленинградской школы экологической паразитологии (Александров, 1984; Фокин, 2014). В данном случае причина такой ситуации связана с трагической судьбой этого человека и порочной практикой замалчивания исторических фактов и преступлений режима советского времени. А.А. Филипченко был бесосновательно арестован в августе 1937 г. и расстрелян органами НКВД в сентябре 1938 г.² Даже сам этот факт был обойден молчанием в статье Д.А. Александрова, не говоря о некоторых неточностях и ошибках биографического характера, содержащихся в этой важной, но далеко не исчерпавшей тему работе³. Также была обойдена молчанием судьба А.А. Филипченко в книге о В.А. Догеле, опубликованной Б.Н. Мазуровичем и Ю.И. Полянским (1980).

Из других публикаций, где упомянут А.А. Филипченко как паразитолог, просто невозможно понять, какая судьба стоит за этим именем (Полянский, 1969, 1997; Гиченок, 1991; Ройтман, Беэр, 2008). В Интернете, где теперь опубликована странная история рода Филипченко⁴ и можно найти основные биографические сведения о А.А. Филипченко, также бытуют некоторые ошибки и ложные утверждения об этом человеке.

В начале апреля 2014 г. исполнилось уже 130 лет со дня рождения учёного. Хотелось бы, наконец, подробнее рассказать современным зоологам-паразитологам и вообще читателям, интересующимся историей науки, о судьбе Александра Александровича. Врач по образованию и первой специальности и паразитолог, один из основателей Русского паразитологического общества (1928)⁵, которого академик В.И. Вернадский называл крупным

² Значительная часть личного архива учёного была изъята при аресте и, очевидно, пропала в недрах НКВД, но некоторые документы (прежде всего переписка с родными) сохранились в архиве старшего брата — Юрия Александровича Филипченко, известного отечественного генетика (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — ОР РНБ. Ф. 813). Ряд документов, в том числе воспоминания вдовы А.А. Филипченко, Анны Васильевны Филипченко (Сухомлиной), любезно были мне предоставлены Алексеем Степановичем Филипченко, внуком учёного, за что я глубоко ему признателен. Также я благодарен Даниилу Александровичу Александрову, помогшему мне разыскать Алексея Степановича.

³ «Когда после недолгих 7 лет работы на кафедре зоологии беспозвоночных творческая деятельность А.А. Филипченко прервалась» — вот всё, что сказано о конце научной карьеры и жизни учёного в статье Д.А. Александрова (1984). Фактические ошибки, содержащиеся в этой статье, будут отмечены мною по ходу изложения.

⁴ Борис Філіпченко. Біографічні сторінки із сімейного літопису одного рода (частина 1-47). <http://www.horodysche.org.ua/?id=philipch> (дата обращения: 20.08.2014). Следует указать и на публикацию Ю.А. Филипченко (2008) «Несобственные воспоминания» (составление, предисловие и примечания М.Б. Конашева).

⁵ Устав Русского паразитологического общества был утвержден Административным отделом Ленинградского Облсполкома 22 марта 1928 г. http://www.infectology.ru/societ/par_soc_hist.aspx (дата обращения: 10.10.2014).

Александр Александрович и Юрий Александрович Филипченко
(сидящие слева второй и четвёртый) с друзьями-студентами.

Санкт-Петербург, предположительно 1904.

Здесь и далее — копии оригинальных документов из архива автора статьи

учёным и благородным человеком⁶, А.А. Филипченко много сделал для отечественной паразитологии за 7 лет работы в ЛГУ (1930–1937) и за 15 лет работы в Петрограде-Ленинграде (1922–1937). Его имя по праву должно стоять рядом с именем В.А. Догеля, когда речь идёт о начальном этапе развития экологической паразитологии в России.

Александр Александрович родился 24 марта 1884 г.⁷ в деревне Злынь Болоховского уезда Орловской губернии в семье учёного-агронома А.Е. Филипченко (1842–1900), выпускника Санкт-Петербургского университета⁸ и А.С. Любавиной. Род Филипченко происходил от писаря Запорожского войска середины XVII в. — Пилипенко⁹.

⁶ Характеристика А.А. Филипченко, данная В.И. Вернадским в феврале 1940 г. (архив А.С. Филипченко).

⁷ Архив Санкт-Петербургского государственного университета (АСПБГУ). Д. 3138. С. 1. Дореволюционные даты даны по старому стилю.

⁸ В статье Александра (с. 491) говорится, что А.Е. Филипченко учился в Петербургском университете; то же следует из опубликованной Б.М. Филипченко в Интернете истории семьи <http://www/horodysche.org.ua/?id=82> (дата обращения: 20.08.2014), однако в архивном деле Ю.А. Филипченко (АСПБГУ. Д. 3139. Л. 8) указан почему-то Московский университет.

⁹ Борис Филипченко... (часть 2) <http://www/horodysche.org.ua/?id=71> (дата обращения: 20.08.2014).

Дед Шуры (семейное имя), Ефим Иванович Филипченко (1807–1861), уроженец г. Нежина, учился, между прочим, там, в гимназии высших наук князя Безбородко одновременно с Н.В. Гоголем, Н.В. Кукольником и Е.П. Гребенкой.

Двумя годами раньше Шуры в семье родился первый сын Юрий — будущий основатель Петроградской школы генетиков, с которым младший брат был очень близок. С 1894 г. Александр учился во 2-й Санкт-Петербургской классической гимназии и в 1903 г. сравнительно успешно (с одной тройкой по латинскому языку) её окончил. Как и старший брат, думая о продолжении образования, Александр колебался между Санкт-Петербургским университетом (ИСПБУ) и Военно-медицинской академией (ИВМА) и так же, как Юрий (сначала), выбрал медицину.

Выбранная специальность вполне увлекала молодого человека — уже после I курса Академии он, отдыхая в деревне, стал «пользовать» больных, в том числе делать простые операции (вскрывать нарывы). Один из сложных случаев, когда Филипченко удалось в прямом смысле спасти жизнь пациентке с травмой головы, настолько впечатлил начинающего медика, что он написал брату в Петербург: «Когда я увидел, что всё обошлось благополучно, и к тому же убедился, что вырвал ее из рук смерти, я был прямо-таки счастлив, счастлив безмерно! Понять это нельзя, это можно только почувствовать!»¹⁰.

Однако уже на первом курсе Александр активно включился в революционную работу и примкнул к партии социал-революционеров (ПСР). Весною 1904 г. в письме к брату, с которым у Александра были очень доверительные отношения и постоянная переписка, он признавался, что занимается мало и в лаборатории бывает редко¹¹. В апреле 1905 г. по делам партии Филипченко выезжал в Кишинев, Одессу, Севастополь и Ялту. Одним из результатов этой поездки стал первый арест и последующее исключение из Академии. Позднее вдова А.А. Филипченко вспоминала:

Научная работа привлекала Шуру. Когда он учился в Военно-медицинской академии, он с увлечением работал у знаменитого профессора Максимова¹² по гистологии, но скоро революция захватила его целиком, он бросил всё и с головой ушёл в революционную деятельность, за что и получил каторгу¹³.

С середины мая по начало августа 1905 г. 10 недель Филипченко провёл в одиночной Санкт-Петербургской тюрьме — «Крестах»¹⁴, а потом был выслан в Финляндию (Териоки), откуда вскоре нелегально вернулся в Петербург. Как вспоминала двоюродная сестра Александра Надежда Михайловна: «Шура весь ушёл в партийную работу, был членом городского комитета ПСР, организовывал боевые, рабочие дружины и уже среди зимы крепко сел»¹⁵.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263. Л. 104.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263. Л. 79об.

¹² Александр Александрович Максимов (1874–1928) — гистолог, эмбриолог, выпускник имп. Военно-медицинской академии, член-корреспондент РАН с 1920 г.

¹³ Воспоминания Анны Васильевны Филипченко. С. 38. Машинописная копия, архив А.С. Филипченко. А.В. Филипченко (Сухомлина) (1891–1970) — дочь народовольцев В.И. Сухомлина и А.М. Гальперинной. Училась на философском факультете Римского университета (1911–1913), историческом отделении Высших женских курсов в Киеве (1914, 1917); в 1929 г. окончила Высшие курсы библиотковедения при Государственной публичной библиотеке (Ленинград); старший библиограф Публичной библиотеки.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263. Л. 113–135.

¹⁵ Борис Филипченко... (часть 8). URL: <http://www.horodysche.org.ua/?id=90> (дата обращения: 20.08.2014).

Фактически в декабре 1905 г. были арестованы оба брата и их двоюродная сестра (Александр, Юрий и Надежда). Но, так как серьёзных обвинений не нашлось, сестру выпустили через 3 месяца на поруки, под залог 1000 руб., а скоро и Юрия. Александр вышел на свободу к лету 1906 г. и почти сразу уехал по партийному заданию в Европу (Швейцария), а вернувшись в Петербург в августе, принял участие в организации газеты «Труд»¹⁶. В сентябре 1906 г. А.А. Филипченко был вновь арестован и приговорён Санкт-Петербургским военным окружным судом к шести годам каторжных работ¹⁷.

Недоучившийся студент отбывал каторгу с октября 1907 г. в Горном Зерентуйе (Зерентуйская каторжная тюрьма, Нерчинский округ) вместе с такими известными эсерами, как, например, Е.С. Созонов (1879–1910)¹⁸, но открывшийся туберкулёзный процесс позволил А.А. Филипченко перейти летом 1909 г. на поселение в Баргузин. Оттуда он в августе писал матери:

А.А. Филипченко на поселении в Баргузине (Забайкальская обл.), 1909

О жизни здесь, в Баргузине, еще никому подробно не писал, вот и расскажу тебе. Живу на квартире (комната за 2,5 руб. в месяц) с уборкой и стиркой. Устроился, словом, очень удачно <...>. Окрестности здесь удивительно красивы и разнообразны, так что прогулки доставляют огромное удовольствие. Зверя и дичи уйма, только вот охотиться не с чем. Вообще Баргузин город только по названию, сам же по себе не больше как деревня¹⁹.

Режим поселения был вполне свободный, и, как многие политические, Филипченко бежал осенью 1909 г. из Сибири в Европу, где сначала (около четырёх месяцев)

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263. Л. 142; справка по архивно-следственному делу в отношении Филипченко А.А. 1956 г. (копия в архиве А.С. Филипченко, далее — Справка 1956 г.). Вероятно, речь шла о газете «Знамя Труда» — центральном органе партии левых эсеров, основанном в Петрограде в конце августа 1917 г.

¹⁷Срок каторжных работ не совпадает в разных источниках: 5 лет — АСПбГУ Д. 3138. Однако в книжке арестанта А. Филипченко (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1022. Л. 1) указано 6 лет. Этот же срок приведён в справке 1956 г. и (без ссылки на документы) в статье Д.А. Александрова и в книге С. Гардзонио и Б. Сульпассо «Осколки Русской Италии. Исследования и материалы». С. 132 : «В третий раз был арестован в октябре 1906 г. и по приговору военного-окружного суда от 26 мая 1907 г. получил 6 лет каторжных работ».

¹⁸ Эсер-террорист, убийца министра внутренних дел В.К. Плеве. По воспоминаниям А.В. Филипченко, вдовы учёного, Александр Александрович сидел в Зерентуйе с Созоновым в одной камере.

¹⁹ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263. Л. 143.

жил в Мюнхене²⁰. Далее он решил продолжить свое медицинское образование, для чего переехал в Италию и в конце 1910 г. поступил на медицинский факультет столичного итальянского университета. В Риме А.А. Филипченко провёл пять лет²¹.

В это время новоиспечённый студент вращался в специфическом, политэмигрантском русском сообществе, чему способствовало и его членство в оргбюро Общества Русской библиотеки-читальни им. Л.Н. Толстого (1912–1917)²². Среди его знакомых появилась и студентка философского факультета Римского университета Анна Васильевна Сухомлина, которая вскоре стала женой А.А. Филипченко. Вот как она вспоминала о днях знакомства с будущим мужем:

Когда я познакомилась с Шурой в Риме, он имел вид, с моей точки зрения, недопустимый. Я воспринимала его как какой-то гротеск. Он, бедняга, не имея ни копейки на одежду, ходил в чужих обносках, которые собирали для политэмигрантов. Когда я увидела его, он носил длинный сюртук <...>. На голове у него был котелок, от вида которого у меня делалась судорога! <...> В довершение всего он был с окладистой бородой и с усами. Благодаря этому, несмотря на свои 27 лет, он казался пожилым человеком <...>. Он признался, что сюртук с чужого плеча, и рассказал, как он был счастлив, получив его, ибо он закрывает брюки, которые ему приходилось каждый день латать и штопать, выходя на улицу²³.

Весной 1912 г. у А.А. Филипченко обострился туберкулёзный процесс в почках. К счастью, в это время в Рим приехал его брат Ю.А. Филипченко, который не только обновил гардероб Шуры, но и увёз его для поправки здоровья на Ривьеру. Время, проведённое с братом, а потом с будущей женой на побережье Лигурии, пошло на пользу²⁴ — Александр успешно сдал университетские экзамены, а на следующий, 1913 г. у «молодожёнов» родился первый сын — Егор. Сухомлина и Филипченко не были к тому моменту в официальном браке. Ребенок умер зимой 1915 г. от менингита в Киеве, куда А.В. Сухомлина поехала учиться на историко-филологическом факультете Высших женских курсов. К мужу в Италию она вернулась летом 1915 г.²⁵

²⁰ Справка 1956 г. Александров в статье 1984 г. (с. 491) путает разные аресты Филипченко и неверно указывает как время побега протагониста в Европу, так и срок его пребывания в Италии, равно и места работы там.

²¹ В эти годы Александр, как и на каторге, получал материальную помощь от брата, который в 1911–1912 гг. работал в Германии и Италии (Мюнхен и Неаполь) в качестве оставленного для подготовки к профессорскому званию ИСПБУ. Очевидно, на деньги брата был организован и побег А.А. Филипченко с поселения в Баргузине. Судя по переписке, братья виделись и в Германии, и в Италии.

²² Осколки русской Италии... с. 132. Общество занималось помощью политэмигрантам. В качестве приработка Филипченко также помогал историку, член-корреспонденту имп. Академии наук Е.Ф. Шмурло (1853–1934) при его работе в римских архивах, а иногда подрабатывал переводами и экскурсиями по Риму; одно время он также работал в статистическом бюро.

²³ Воспоминания... С. 40.

²⁴ Есть основание полагать, что время, проведённое с братом в Капи, недалеко от Генуи, Ю.А. Филипченко оторвал от своих научных занятий на Неаполитанской зоологической станции (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15154. Л. 11). Жизнь на Лигурийском побережье свела А.А. Филипченко с литераторами А.В. Амфитеатовым (1862–1938) и М.А. Осоргиным (1878–1942), что, возможно, повлияло в дальнейшем на его серьёзный интерес к литературе.

²⁵ Воспоминания... С. 45, 46.

Александр Александрович и Юрий Александрович Филипченко.
Мюнхен, предположительно 1910

Зимой 1914–1915 г. А.А. Филипченко участвовал в спасении людей после одного из сильных итальянских землетрясений, где проявил себя не только как умелый врач, но и как смелый человек.

В «Киевской мысли», — вспоминала А.В. Филипченко — была помещена корреспонденция из Рима, в которой был приведён восторженный отзыв о Шуре, в связи с землетрясением, случившемся в Италии. Мой муж одним из первых откликнулся на призыв итальянского правительства оказать помощь и в тот же день выехал на место катастрофы, где он принял участие в раскопках, спасении людей и получил благодарность от итальянского правительства²⁶.

В 1915 г. А.А. Филипченко окончил медицинский факультет и получил место ассистента в одном из крупных муниципальных госпиталей Рима. Место было, однако, низкооплачиваемое (150 фр.) и вскоре, имея в виду прибавление семейства (жена Филипченко ждала сына, родившегося 17 марта 1916 г.), он уехал с женой в провинцию Мачерата (Macerata) «земским врачом» в местечко Монтекозаро (Montecosaro) недалеко от Адриатического побережья, где зарплата была много выше (500, а потом 750 фр.).

²⁶ Там же. С. 45. Точно сказать, какое землетрясение упомянуто в воспоминаниях, сложно — наиболее известное в том году случилось 8 мая 1914 г., однако оно произошло, когда А.В. Сухомлина была ещё в Италии.

А.А. Филипченко —
студент Римского университета. Рим, 1912

В Европе уже больше года шла Великая война. Из сельской глубинки, несколько освоившись, доктор Филипченко писал брату в Петроград в январе 1916 г.:

Как-то беспроблемно кажется всё впереди с этой бесконечной войной. По-прежнему тоскую сильно по России, тянет туда, не дай Бог как... Материально и физически живём хорошо. С работой своей почти уже совершенно освоился. Работа, в общем, конечно, хорошая, но, несмотря на это, частенько сожалею о том, что пришлось бросить Римский госпиталь. Там школа — можно совершенствоваться и учиться, тогда, как здесь *la forza* будет стоять на точке замерзания²⁷.

Желание совершенствоваться в хирургии толкало Филипченко на поиск подходящего места: в мае 1916 г. он почти уже согласился на переезд в Салоники, где ему предлагали место в госпитале для сербских солдат, но дело расстроилось; в начале 1917 г. семья было выехала обратно в Рим, где Александра Александровича ждала прежняя работа в госпитале, но болезнь жены и сына не позволила и этому плану осуществиться²⁸. Всё чаще доктор Филипченко задумывался о возвращении на родину, где уже произошла Февральская революция.

А подумать только — как пролетели эти 10–12 лет! — писал он брату. — Благодаря тюрьмам, каторге, эмигрантству, у меня как-то почти нет ясного ощущения всех перемен, произошедших за эти годы. Минутами кажется, что вот вернусь снова в Россию и снова увижу там нашу семейную жизнь, от которой в действительности-то уже почти ничего не осталось. Да и сама Россия уже мало теперь похожа на ту, которую я знал... Боюсь, что и впрямь старичком лишь удастся вернуться в Россию²⁹.

Обстоятельства, однако, изменились очень быстро — российским консульством было официально объявлено, что эмигранты могут вернуться в Россию, получив паспорта и деньги на проезд. «Шура поехал в Геную, — вспоминала Анна Васильевна, — и получил паспорт не только для себя, но и для меня с сыном, на свою фамилию. Таким образом, я с 1917 г. стала носить его фамилию»³⁰.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 3. *La forza* — сила (*ит.*).

²⁸ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 14, 33. Сын — Степан Александрович Филипченко (1916–1943). Окончил биофак ЛГУ в 1939 г., генетик; с июня 1941 г. на фронте; начальник Островного разведотдела КБФ, старший лейтенант. Кавалер ордена Красного Знамени за личное мужество. Умер от ран после рейда по тылам противника летом 1943 г., похоронен на о. Лавансаари.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 26.

³⁰ Воспоминания... С. 51.

Добраться в Россию во время военных действий было непросто. Жена с годовалым сыном сначала выехали в Швейцарию, а оттуда в «запломбированном» (на манер ленинского) вагоне проследовали через Германию и на пароходе в Швецию, где их встретил Александр Александрович, добравшийся туда через Лондон. Оттуда уже всей семьей отправились в Россию. 15 июня 1917 г. они впервые за 8 лет, а сын Степан впервые в жизни, оказались в России, в революционном Петрограде. К несчастью, они разминулись с Ю.А. Филипченко и, прожив в ожидании его приезда в городе несколько недель, доктор Филипченко решил отправить семью в Киев. Сам он присоединился к семье в начале сентября³¹. Уже из Киева он писал Юрию Александровичу:

Помню, когда мы приехали в Петроград, и я и Ася прямо-таки ошеломлены и удручены были русской действительностью. Азия, настоящая Азия во всем, буквально во всём <...>. И вот четыре месяца живу я на нашей Руси, а сказать правду, всё ещё не чувствую себя русским, не чувствую родной эту азиатчину... Нет-нет, а взор как-то невольно обращается туда, на запад, и мысль уносится в мой любимый, родной Рим... И не знаю, после войны останусь ли я здесь или опять уеду туда?³²

К сожалению, выбора у доктора Филипченко уже не было — легальная дорога обратно была отрезана — за окном была осень 1917 г.

А.А. Филипченко устроился в Киеве работать в Красном Кресте — ассистентом в хирургическом госпитале; подрабатывал он также в амбулатории и на кафедре врачебной диагностики местного университета. Так прошёл год. Через Киев волна за волной прокатывались смены власти: Центральная украинская рада, большевики, немцы, гетман П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра. В январе 1918 г. Филипченко писал брату в Петроград:

Из Петрограда в Киев письмо идёт дольше, чем в Рим во время войны! Впрочем, эта такая мелочь в нашей современности, что смешно даже и говорить об этом. Вчера, например, нас почти целые сутки обстреливали из орудий, разрушили целый ряд домов, перебили массу народа и на все это население почти не обращает никакого внимания. Ходят трамваи, функционируют кинематографы, театры, ходят все на службу — будто и нет ничего. А на такие вещи, как ружейная или пулеметная стрельба, — уж абсолютно не обращают никакого внимания,

А.А. Филипченко с сыном Степаном.
Монтекозаро, 1916

³¹ В Киеве жили родители А.В. Филипченко.

³² ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 61. В статье Александрова ошибочно указано, что летом 1917 г. Филипченко работал в Петрограде в госпитале. До сентября, чтобы расплатиться с долгами, он работал во Врачебно-санитарном отделе городской Управы (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 40об.).

т. к. стреляют всюду и всегда, круглые сутки. И при всем том приезжающие из Петрограда удивляются нашему шикарному житью... представляю, что творится у вас... Служу еще в К.К., хотя каждый день идёт речь о нашей эвакуации³³.

Несмотря на полувоенный быт, семья и работа привязывали Филипченко к Киеву, тем более что в 1918 г. он получил место заведующего отделом управления Украинского Красного Креста. Работа была чисто административная, но значительно лучше оплачиваемая, а это при наличии семи человек в семье было очень важно³⁴. Было ещё одно очень существенное соображение — забрезжила возможность выезда за границу. В апреле 1919 г. (снова при большевиках) Филипченко писал брату Юрию:

Занят всё время ужасно. Прихожу домой только ночевать... И сейчас вот сижу в приемной у Наркомвоена в ожидании, когда дойдет моя очередь <...>. Старую службу я бросил. Перешёл в Украинский Красный Крест, в Управление. Пока занял должность заведующего отделом медицинского снабжения, но это только временно. Дело в том, что Крест этот устраивает теперь посылку делегаций за границу для закупки медикаментов <...>. Поеду в Германию и Данию. Поездка эта в стадии организации, и сказать правду, нет уверенности в возможности ее осуществления <...>. Мечта моя — снова уехать в Италию или Францию, чтобы там заняться одной госпитальной работой. Может быть, эта мечта никогда не осуществится, но всегда буду мечтать об этом³⁵.

Мечта, увы, действительно не осуществилась, а поездка состоялась только в Одессу, где доктор Филипченко с семьёй надолго застрял.

Почти год Ю.А. Филипченко ничего не знал о судьбе брата, и только осенью 1920 г. из Одессы в Петроград добралось письмо:

Без малого год, как не писал тебе. Впрочем, последние 8 месяцев не только с вами, но даже с Киевом почти не было сообщений <...>. Приехали мы сюда на неделю. Предполагали либо вернуться в Киев, либо уехать за границу, ни то, ни другое не вышло, и вот сижу в Одессе, которую ненавижу всей душой <...>. Я был нагнан волной отступающих добровольцев из Киева и часть пути совершил в этой волне — я ехал почти три недели до Одессы. Это было нечто неописуемое. Такого сплошного перманентного грабежа и погрома так даже во сне не видели <...>. Незадолго до их ухода из Одессы я нашел себе работу в одном украинском кооперативе, учредившим у себя медико-санитарный отдел. Служу там и поныне... Вообще чувствую себя до крайности мерзко, главная же причина та, что вот уже четвёртый год не занимаюсь тем, чем должен был, и чем хотелось — чистой медициной. Все мои службы и занятия за это время были исключительно заработком денег...³⁶

Летом 1920 г. семья решила переехать в деревню, где в 100 верстах от Одессы располагалось имение, когда-то принадлежавшее бабушке Анны Васильевны. С селянами сохранились хорошие отношения, и семье Филипченко были выделены старый усадебный дом с большим садом и десятина земли под огород и пшеницу. Семена и корм для коровы и мелкой живности, выменянных на носильные вещи, местные крестьяне на первое время дали даром.

³³ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 29.

³⁴ Филипченко жили с родителями Анны Васильевны, а поскольку она часто и надолго уезжала для чтения лекций или добывания продуктов, то для сына пригласили няню (вероятно, была и кухарка).

³⁵ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 70, 74.

³⁶ Там же. Л. 95, 96.

А.А. Филипченко с сыном Степаном. Ленинград, предположительно 1933

Доходов-то пока у нас нет никаких, — писал Филипченко брату. — Сначала было чрезвычайно трудно, но теперь как-то пообвык. Мешок в 6 пудов снять с повозки и занести в дом казалось сначала задачей невыполнимой, теперь же делаю это шутя. Вообще, как крестьяне говорят, омужичился я в совершенстве. Встаю в 3–4 часа ночи (по солнцу, конечно) <...>. Со светом начинается обычная работа. Накормить кур, свиней, принести воды. Часов в 8 пьем чай, в час обедаем, в 6 — ужинаем, а в 8 вечера уже спим...³⁷

Кроме этого, конечно, доктор Филипченко лечил всех окрестных крестьян, и они съезжались на «прием» из самых отдалённых деревень. Так А.А. Филипченко и его семья прожили в Качуловке, близ станции Кагулово, больше двух лет.

Жизнь и связь с Россией постепенно налаживались, и в 1922 г. возникла идея возвращения к «нормальной жизни» в одной из столиц. В январе, размышляя об этом, доктор Филипченко писал брату:

Ох, как надоела мне эта жизнь, если бы Вы знали, — хуже каторги, ей Богу! Помнишь Юрий, мы в Мюнхене говорили как-то на тему о различных периодах в нашей жизни. Как-то на днях я вспомнил об этом. В 1907 г. я пошел на каторгу, в 1912 — женился, в 17 — вернулся в Россию. Все пятилетние периоды, резко отличающиеся всем своим содержанием... Ну, хоть бы кончился этот в самом деле в этом году! <...>. Если бы ты видел, до чего тяжела наша жизнь... Ведь мы буквально голы, босы, голодны, усталые, вечно грязные... Я, например, вот уже почти 2 месяца хожу босой и не имею даже рваных сапог, не в чем в Одессу поехать³⁸.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 99, 100.

³⁸ Там же. Л. 122, 145 об.

Однако больше всего Филипченко по-прежнему угнетала невозможность творчески работать по специальности и отсутствие, как ему казалось, в этом смысле каких-либо перспектив. «За эти годы я так надорвался здесь (не столько физически, сколько духовно), так растерял все свои знания и навыки, что вряд ли на что-нибудь способен сейчас здесь, в России», — писал он брату летом 1922 г.³⁹

В начале ноября 1922 г., распродав хозяйство, с огромными трудностями из-за распутицы и чудовищной инфляции Филипченко добрались до Киева (дорога стоила 300 млн руб.). В декабре, на первое время без семьи, А.А. Филипченко появился в Петрограде. Начался последний, 15-летний этап его жизни, к счастью, целиком посвящённый науке.

Сначала это была работа сверхштатным ассистентом в клинике профессора Г.Ф. Ланга, где Филипченко занимался гематологией⁴⁰. Весной 1923 г. он параллельно начал работать врачом (потом главврачом) в распределительном пункте для беспризорников, где проявил себя не только как знающий врач, но и как воспитатель⁴¹. С 1925 г. Александр Александрович по приглашению профессора А.В. Прибылева⁴² перешёл в Бактериологический институт им. Пастера, где скоро стал руководителем диагностического, а затем и созданного им (1929) паразитологического отдела. В Бактериологическом институте Филипченко прошёл так называемую «чистку» 1930–1931 гг., в результате чего «был оставлен без поручений на 1931 г.». Очевидно, этому способствовал его арест в сентябре 1930 г. по обвинению в участии в антисоветской организации. Дело было настолько «липовое», что его закрыли через 3 недели⁴³. По совместительству с 1931 г. Филипченко работал также заведующим отделом в Институте экспериментальной медицины⁴⁴.

Весной 1930 г., после смерти профессора В.Д. Зеленского, В.А. Догель (близкий друг Ю.А. Филипченко) пригласил Александра Александровича в Ленинградский университет. К тому времени интерес доктора Филипченко к паразитологии уже полностью сформировался.

Вдова учёного впоследствии так вспоминала это время:

За годы с 1924 по 1937 Александр Александрович полностью переквалифицировался из врача в паразитолога. Эти 14 лет он работал не менее 16 часов в сутки. Часто ещё больше. Вставая в 6 часов утра, работал дома, потом шёл в институт. Вечером опять работал дома, где у него был свой микроскоп и целая лаборатория. За эти годы, кроме того, он изучил английский, немецкий и французский языки. Итальянский он знал раньше и благодаря этому мог читать и по-испански — конечно, только статьи по своей специальности <...>. Он почти никуда не ходил. Для нас со Степой был праздник, если удавалось вытащить его в кино⁴⁵.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 603. Л. 144.

⁴⁰ Георгий Фёдорович Ланг (1875–1948) — терапевт, кардиолог, организатор здравоохранения. Выпускник ИВМА.

⁴¹ Согласно трудовому списку (архив А.С. Филипченко) Александр Александрович сначала занимал там должность помощника заведующего.

⁴² Александр Васильевич Прибылев (1857–1936) — бактериолог, народоволец, член ПСР. Медицинское образование получил в Казанском ветеринарном институте, ИВМА и за границей.

⁴³ АСПбГУ Д. 3138. Л. 3; Справка 1956 г.

⁴⁴ АСПбГУ. Д. 3138. Л. 2. В 1931 г. Пастеровский институт был временно слит с Институтом экспериментальной медицины, а в 1933 г. А.А. Филипченко продолжил службу в нём как в Ленинградском эпидемиологическом институте (трудовой список, архив А.С. Филипченко).

⁴⁵ Воспоминания... С. 92.

А.А. Филипченко среди сотрудников своей лаборатории в Бактериологическом институте им. Пастера. Ленинград, предположительно 1937

Времени у А.А. Филипченко было действительно в обрез в прямом и переносном смысле — помимо научной деятельности, он был «квартирным врачом», давал медицинские консультации, хлопотал о создании ежегодной медицинской комиссии для общества политкаторжан, куда сам входил, выступал с лекциями по литературе⁴⁶. Нередко ему приходилось ездить в командировки: в Киев, Москву, Витебск, Ярославль, на Кольский полуостров. Впрочем, как следует из поденных записей, по крайней мере в 1936 г., он нередко бывал и в концертах. Однако всегда наука оставалась у него на первом месте.

Академик Е.Н. Павловский писал о Филипченко:

С А.А. Филипченко мне приходилось встречаться по работе в Ленинградском паразитологическом обществе, организация которого была осуществлена сравнительно быстро благодаря его энергии⁴⁷ <...>. Паразитологией как специальностью он овладел в сравнительно короткий срок настолько, что стал руководителем лаборатории, труды которой вышли в свет тремя книгами⁴⁸.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1028. Л. 305.

⁴⁷ Первое заседание Паразитологического общества состоялось 9 ноября 1928 г. со следующей повесткой дня: 1. А.А. Филипченко «Информационное сообщение о возникновении и задачах общества, выборы новых членов общества, выборы должностных лиц»; 2. Е.Н. Павловский «Важнейшие пути современного развития паразитологии». Заседания практически всегда проводились на базе лаборатории Филипченко в Бактериологическом институте (http://www.infectology.ru/societ/par_soc_hist.aspx (дата обращения: 10.10.2014)).

⁴⁸ Письмо-характеристика написано Павловским в январе 1940 г. для предоставления в НКВД (архив А.С. Филипченко). Тогда никто из родных и коллег, видимо, не знал, что доктора Филипченко уже нет в живых, и все надеялись на пересмотр дела.

Профессор А.А. Филипченко является одним из крупнейших представителей советской паразитологии, — писал проф. Ш.Д. Мошковский. — Возглавляемое им направление в паразитологии рассматривает явление паразитизма с единственно правильной, эволюционной точки зрения <...>. Сам Филипченко дал ряд ценных работ в области медицинской паразитологии. Ряд ценных для здравоохранения работ проведено и его учениками⁴⁹.

Член-корреспондент АН СССР В.А. Догель отмечал в аналогичной характеристике:

Я познакомился с А.А. Филипченко после того, как он начал читать курс «Паразитология» в Ленинградском университете, т. е. в 1932–33 гг. Тогда я мог оценить А.А. как прекрасного преподавателя, лекции которого отличались и глубиной содержания и блестящим изложением. Студенты так увлекались этими лекциями, что составили подробный конспект их, который должен был лечь в основу составлявшегося А.А. учебника⁵⁰. А.А. был широко образованным в своей области человеком и соединял с практическим значением своих работ способность к обобщениям, столь важную для учёного⁵¹.

Каковы же были работы и идеи А.А. Филипченко в области паразитологии, столь высоко оценённые его именитыми коллегами? С формальной точки зрения, таких работ было не так уж и много (около 30), но это был плод феноменально активной творческой работы всего за 12 лет, причём большинство этих исследований были выполнены без соавторов. Для сравнения надо напомнить, что к моменту появления А.А. Филипченко на кафедре зоологии беспозвоночных ЛГУ весной 1930 г. В.А. Догель опубликовал только 4 паразитологические работы, которые не касались простейших, правда, среди них была уже статья «Зависимость распространения паразитов от образа жизни животных-хозяев» (1927), положившая начало экологическому уклону в его исследованиях⁵². Первая и единственная совместная работа Догеля и Филипченко (скорее, программное введение к паразитологическому сборнику) была посвящена комплексному изучению личинок широкого лентеца в Карелии (Догель, Филипченко, 1933).

Поворот интересов Догеля в сторону «многоклеточной» паразитологии вообще произошёл, вероятно, в 1929 г., когда над кафедрой нависла угроза закрытия и надо было заниматься чем-то «народно-хозяйственно» значимым (Александров, 1984; Иванова-Казас, 2002; Фокин, 2002)⁵³. В 1929 г. Валентин Александрович параллельно с работой в ЛГУ возглавил Лабораторию паразитов и болезней рыб в Институте рыбного хозяйства⁵⁴ и стал активно привлекать своих сотрудников и студентов к паразитологическим

⁴⁹ Письмо-характеристика от 30 января 1940 г. (архив А.С. Филипченко).

⁵⁰ Очевидно, этот конспект Догель использовал при написании своего первого учебника по общей паразитологии (Догель, 1941), особенно для I и III его частей.

⁵¹ Письмо-характеристика от 7 января 1940 г. (архив А.С. Филипченко). На самом деле В.А. Догель знал А.А. Филипченко как минимум с 1930 г., когда тот начал работать в ЛГУ. Характерно, что он пишет о Филипченко в прошедшем времени — личное дело А.А. Филипченко было закрыто в университете 1 октября 1937 г. (АСПбГУ. Д. 3138).

⁵² Однако в ней не обсуждались многие вопросы, поднятые позднее А.А. Филипченко в сборнике 1937 г.

⁵³ В 1929–1930 гг. приёма на кафедру зоологии беспозвоночных не было. В 1930 г. вместо биофака в ЛГУ должен был возникнуть факультет животноводства и растениеводства с сугубо прикладным направлением подготовки студентов.

⁵⁴ Современный Государственный научно-исследовательский институт озёрного и речного рыбного хозяйства.

исследованиям. В этом же году он отправился со своим учеником Ю.К. Петрушевским в первую паразитологическую экспедицию на Белое море, где ими была детально изучена экологическая составляющая в динамике паразитофауны лосося (семги) (Догель, Петрушевский, 1935). Это научное направление оказалось очень плодотворным — с течением времени из него и возникла так называемая догелевская школа экологической паразитологии, в которой явление паразитизма рассматривалось не только с прикладной точки зрения, но и с самых широких общебиологических позиций.

Среди работ А.А. Филипченко тоже преобладали сначала исследования, связанные с конкретными одноклеточными паразитами — малярийным плазмодием (Филипченко, 1925а, б; Тушинский, Филипченко, 1926), дизентерийной амёбой (Филипченко, 1929, 1933, 1935) или посвящённые комплексу кишечных простейших человека (Филипченко 1930, 1933; Филипченко, Вигдорова, 1929; Филипченко, Пик, 1929). Интересовали учёного и проблемы эпидемиологии гельминтов (Филипченко, 1935). Написанная им книга по кишечным простейшим (Филипченко, 1933) представляла собою полную сводку по этой теме и весьма способствовала популяризации малоизвестных в то время сведений. О творческой активности Филипченко можно судить по его сохранившимся в архиве поданным записям 1930–1936 гг.: работы в печати (1929–1930) — 12; доклады — 17, в основном по амёбиазису и другим кишечным паразитам (1930–1931)⁵⁵.

Очевидно, что на постановку и обсуждение общих проблем в области паразитологии Александра Александровича натолкнули работа с литературой и обдумывание структуры и содержания будущего курса «Общая паразитология». Хотя специализирующиеся студенты появились на кафедре зоологии беспозвоночных уже в 1931 г., но этот курс был начат Филипченко только в 1932 г. и читался сначала вечерним аспирантам⁵⁶. Кроме того, уже в 1930–1931 г. он начал читать «Частную паразитологию» и курировать «Большой практикум» для кафедральных студентов. Параллельно А.А. Филипченко читал лекции в Военно-медицинской академии по курсу «Патология». По мере прихода новых студентов и шлифовки курса «Общая паразитология»

Анна Васильевна Филипченко. Ленинград, конец 1940-х гг.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1028. Л. 40.

⁵⁶ В то время студенты начинали специализацию сразу с первого курса. Приведённый в статье Александрова (1984), объём курса Филипченко по частной паразитологии сильно завышен (180 часов). Согласно Д. 1050 (ОР РНБ. Ф. 813), курс включал 66 часов лекций, 47 часов практических занятий и 7 часов семинарских занятий.

его структура несколько менялась: в 1934–1936 гг. было 60 часов лекций и состоялось 12 часов практических занятий; в 1936–1937 гг. было прочитано 51 час лекций и состоялось 7 практических занятий и 2 семинара⁵⁷.

Огромное значение и для самого профессора Филипченко, и для его студентов имела организация в 1935 г. на базе читавшегося курса «Общая паразитология» семинара «Паразитизм, как экологическая категория и паразитические адаптации», в работе которого приняло участие около 20 человек⁵⁸.

В предисловии к сборнику, выпущенному по результатам работы этого семинара, Александр Александрович писал:

В весеннем семестре 1935 г. на специальном семинаре Большого практикума лаборатории зоологии беспозвоночных биофака ЛГУ был поставлен цикл докладов <...>. Задачами цикла являлись, с одной стороны, более углубленная проработка студентами и аспирантами некоторых глав, читаемого мною курса общей паразитологии, а с другой — более широкая дискуссия той общетеоретической точки зрения на сущность явления паразитизма, которая развивается в моем курсе и которая изложена в водной статье (Проблемы общей... 1937, с. 3).

Докладчиками на семинаре были студенты-специалисты и аспиранты кафедры зоологии беспозвоночных, а участие в обсуждении докладов принимали и многие «сторонние» зоологи, так как поставленная тема волновала многих. В то время ни в России, ни за рубежом не было учебников или сводок по общей паразитологии, поэтому представлялось желательным издать наиболее интересные доклады в виде сборника, что и было осуществлено в начале 1937 г. Помимо очевидной научной ценности сборник имел и дидактическое значение — как первая попытка создания учебного пособия силами самих учащихся. В состав авторов вошли три студента: В.А. Афанасьев, А.Г. Кнорре (две статьи) и М. Баженов, а также аспиранты А.В. Иванов, Я.Д. Киршенблат и Е.М. Хейсин⁵⁹. Среди докладчиков были также В.Д. Дубинин, Б.Е. Быховский и Ю.И. Полянский⁶⁰.

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1052. Л. 2–3. Среди архивных документов этого дела сохранились две общие тетради с подробным конспектом двух лекций по курсу «Общая паразитология» (Л. 196–279). Александров (1984) считал, что это начало учебника общей паразитологии, над которым работал А.А. Филипченко. По моему мнению, это текст, конечно, мог бы служить базой для написания учебника, но таковым в чистом виде не является. Скорее, текст тетради № 1 (Л. 196–214) соответствует материалу статьи Филипченко, которая открывает сборник 1937 г.

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1028. Л. 154. В заглавии сборника «Проблемы общей паразитологии», выпущенного по итогам работы этого семинара, А.А. Филипченко значится профессором, однако, не имея научной степени, фактически он был в ЛГУ приват-доцентом (АСПБГУ. Д. 3138. Л. 6).

⁵⁹ Четверо из шести участников сборника впоследствии стали известными учёными, а два последних именно в паразитологии: А.В. Иванов (1906–1992), д-р биол. наук, профессор, академик АН СССР; А.Г. Кнорре (1914–1981), д-р биол. наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР; Я.Д. Киршенблат (1912–1980), д-р биол. наук, профессор; и Е.М. Хейсин (1907–1968), д-р биол. наук, профессор. Это, конечно, относится и к упомянутым докладчикам: В.Д. Дубинин (1913–1958), д-р биол. наук, профессор; Б.Е. Быховский (1908–1974), д-р биол. наук, академик АН СССР; Ю.И. Полянский (1904–1993), д-р биол. наук, профессор, член-корреспондент АН СССР.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1052. Л. 1.

20

прозрачности, проф. Шингарев и другие, что «искусство биологической паразитологии, по сути паразитологии, представляет собой единую географический интерес. Кругом не отменяется нами с точки зрения географической используемой формы и на смысловую принадлежность св к условиям существования, как именно внутренне формы паразитологии».

Будет по своему характеру экологический биологический, паразитологии должна заниматься изучением на своем объекте как же это основные биологические проблемы, которые лежат в основе экологического изучения водных, т.е. используемой и авантюры организмов.

В курсе каждой паразитологии эти проблемы должны изучаться в процессе изучения представлений всех видов, жизни паразитов (простейшие, грибы, метельчатые и т.д.), на фоне изучения на объекте морфологии, систематики, физиологии, способов размножения, жизни водных, как они осуществляются на своем объекте и т.д.

Страница из конспекта первой лекции А.А. Филипченко по курсу «Общая паразитология», предположительно 1936. ОР НРБ. Ф. 813. Д. 1052. Л. 214

Сборник открывался статьей «Экологическая концепция паразитизма и самостоятельность паразитологии как научной дисциплины», написанной А.А. Филипченко (1937). В этой сравнительно небольшой работе (11 страниц) Александр Александрович на основании обобщения идей о сущности паразитизма впервые дал обоснование экологической концепции этого биологического явления. Проведя подробный анализ взглядов своих предшественников на сущность паразитизма и определений, позволяющих классифицировать паразитический организм как таковой, Филипченко пришёл к следующему выводу:

Паразитизм есть понятие не систематическое, не морфологическое или физиологическое, а чисто экологическое, и, при такой точке зрения, паразит может быть определен как организм, средой обитания которого является другой живой организм (хозяин)⁶¹ <...>. Следовательно, обитание одного организма в другом, который может рассматриваться как среда обитания первого, есть основной критерий паразитизма.

Учебник общей паразитологии А.А. Филипченко написать не успел, но фактически многие из поколения первых догелевских учеников-паразитологов, далее успешно работавших в этом направлении, должны, как минимум, одновременно считаться и учениками Филипченко: оба основных курса — общей и частной паразитологии — они прослушали у Александра Александровича⁶².

Позднее определение, сформулированное А.А. Филипченко, несколько в расширенном виде использовал в первом и втором издании своего учебника общей паразитологии В.А. Догель (1941, 1947):

Паразиты — это такие организмы, которые используют другие живые организмы в качестве источника пищи и среды обитания, возлагают при этом частично или полностью на своих хозяев задачу регуляции своих взаимоотношений с окружающей внешней средой⁶³.

В современной литературе, однако, существует обоснованное мнение об уязвимости чисто экологического подхода в случае определения сущности сапрофитных, комменсальных или, в целом, просто эктопаразитических организмов. Некоторые специалисты-паразитологи, признавая большую роль экологической концепции в освещении многих аспектов паразитизма, считают её недостаточной, особенно при анализе популяционной и внутривидовой структуры паразитических видов (Ройтман, Беэр, 2008).

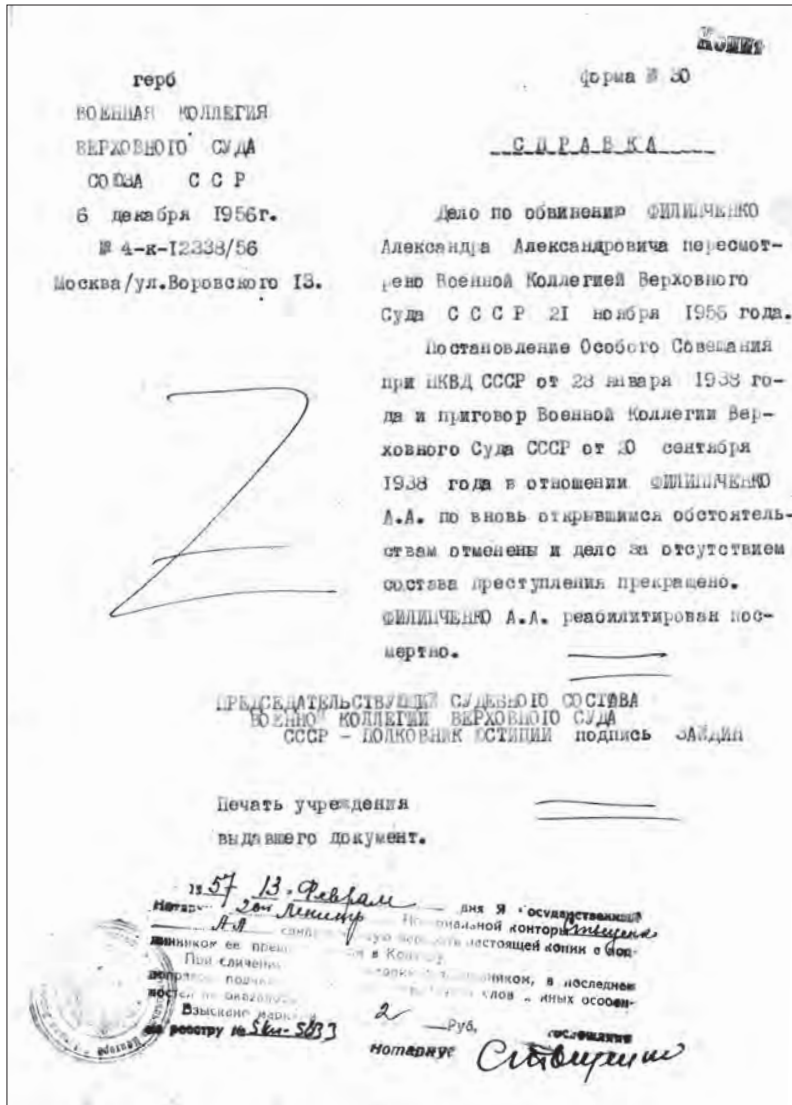
Судя по набранному в науке темпу, от А.А. Филипченко можно было ожидать не только учебников по паразитологии, но и деятельного, творческого участия в развитии созданного в ЛГУ научного направления. Однако весенний семестр 1937 г. оказался последним в жизни учёного. 1 августа Филипченко был арестован органами НКВД по Ленинградской области по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 58–10).

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 января 1938 г. ему было определено содержание в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет. Его уже отправили на этап, но, видимо, палачам не хватало крови. В марте 1938 г. по тем же основаниям против А.А. Филипченко и его тестя В.И. Сухомлина (77-летнего старика-политкаторжанина) было возбуждено новое уголовное дело по расстрельным статьям: 58–8 и 58–11 (террористический акт и организованная антисоветская деятельность). 20 сентября 1938 г. абсолютно невиновного человека Военная коллегия Верховного суда СССР — преступная организация преступного государства — приговорила к расстрелу

⁶¹ Филипченко, 1937, с. 9–10. Это заключение, впрочем, было уже сделано в работе Е.Н. Павловского (1934).

⁶² Послевоенное время, когда вышло второе издание общей паразитологии В.А. Догеля, составляет уже следующий, основной этап развития экологической паразитологии в России.

⁶³ Первая глава в учебнике общей паразитологии Валентина Александровича 1941 г. «Понятие о паразитизме и паразитах» (с. 4–9) прямо повторяет текст статьи А.А. Филипченко (1937), а первая часть учебника в целом содержит множество ссылок на материалы статей из сборника 1937 г.

Копия справки о реабилитации А.А. Филипченко, 1956

с конфискацией имущества⁶⁴. На следующий же день, 21 сентября, Филипченко был расстрелян в Ленинграде⁶⁵. А.В. Филипченко писала в своих воспоминаниях о муже:

⁶⁴ Справка 1956 г.

⁶⁵ В статье Д.А. Александрова (1984, с. 491) год смерти протагониста указан неверно — 1940. Источник этой ошибки, вероятно, свидетельство о смерти А.А. Филипченко 13 мая 1940 г., выданное УМВД ЛО 20 июля 1957 г. (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263) — пример иезуитской лжи советских инстанций. Уже из справки Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 декабря 1956 г. о реабилитации А.А. Филипченко (архив автора статьи) ясно, что он был расстрелян в 1938 г. В.И. Сухомлин умер в тюрьме 7 августа 1938 г., не дождавшись приговора.

Мой муж был арестован, как теперь говорят, «по списку». Список политкатаржан в Ленинграде был очень большой, боюсь, что он включал в себя почти всех членов общества. Исключения были крайне редки <...>. Когда уводили Шуру, я успела поцеловать у него руку, а Шура сказал мне спокойно: «Ну, в России всегда так было — без сумы и без тюрьмы не проживешь», и улынулся мне. Он за час до обыска приехал из Сочи, где не дождал срока в санатории, ибо все время болел⁶⁶.

После ареста отца в январе 1938 г. Анна Васильевна Филипченко была на 2 года выслана в Северный Казахстан; сын Степан был исключён из комсомола и тоже должен был быть выслан, но ему удалось через заместителя наркома военно-морского флота И.С. Исакова добиться разрешения окончить университет, а через год и восстановиться в комсомоле⁶⁷.

Теперь, когда сменилось уже несколько поколений учёных, когда большинство специалистов-паразитологов Санкт-Петербурга могут считаться научными внуками или даже правнуками В.А. Догеля, важно ещё раз подчеркнуть роль доктора Филипченко в становлении экологической паразитологии. Готовясь к празднованию 100-летия кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ в 1971 г., её заведующий профессор Ю.И. Полянский, один из ближайших учеников Догеля, лично знавший Александра Александровича, писал:

А.А. Филипченко принимал непосредственное и большое участие в создании нового в то время экологического направления в паразитологии, вылившегося впоследствии в серьёзную научную школу, которую возглавил В.А. Догель⁶⁸.

К сожалению, эти справедливые слова до 2014 года публично прозвучали лишь однажды, в статье Д.А. Александрова (1984)⁶⁹. Они пока не стали признанным фактом в истории науки, а пора бы!

Литература

Александров Д.А. Из истории паразитологии в Ленинграде // *Паразитология*. 1984. Т. 28. № 6. С. 489–494.

Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки Русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М.: Русский путь, 2011. 448 с.

Гиченок Л.А. Экологическая концепция паразитизма А.А. Филипченко и ее развитие // *Эволюция паразитов*. Мат-лы Всесоюз. симпозиума. Тольятти, 1991. С. 37–42.

Догель В.А. Очередные задачи экологической паразитологии // *Ученые записки ЛГУ*. 1935. Сер. биол. Т. 1. Вып. 2. С. 31–46. (Труды Петергофского биологического института ЛГУ. № 15).

⁶⁶ Воспоминания... С. 102.

⁶⁷ Воспоминания... С. 105, 107–108. Работа С.А. Филипченко в университете имела оборонное значение.

⁶⁸ Неопубликованная биографическая справка о А.А. Филипченко (архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ). Ни в своей книге про В.А. Догеля, ни в опубликованных воспоминаниях Юрий Иванович ничего подобного не написал.

⁶⁹ Изложение научной (паразитологической) части биографии А.А. Филипченко опубликовано мною недавно в том же журнале (*Паразитология*. 2014. Т. 48. Вып. 6. С. 472–479).

- Догель В.А. Паразитологическая работа в стенах Ленинградского государственного университета // Ученые записки ЛГУ. Сер. Биол. 1939. № 43. Вып. 2. С. 19–20.
- Догель В.А. Курс общей паразитологии. Л.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
- Догель В.А. Курс общей паразитологии. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1947. 372 с.
- Догель В.А., Петрушевский Ю.К. Опыт экологического исследования паразитофауны беломорской семги // Вопросы экологии и биоценологии. 1935. Т. 2. С. 137–169.
- Догель В.А., Филипченко А.А. Комплексное исследование широкого лентеца и его личинок в Карелии // Труды Бородинской биологической станции. 1933. Т. 6. Вып. 2. С. 1–3.
- Иванова-Казас О.М. Далекое прошлое // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882–1955) / Под ред. С.И. Фокина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 31–38. (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 95. Сер. 1).
- Мазурмович Б.Н., Полянский Ю.И. Валентин Александрович Догель. М.: Наука, 1980. 172 с.
- Мальчевский А.С., Полянский Ю.И. Развитие зоологических кафедр // Вестник ЛГУ. 1969. Сер. 3. Биология. Вып. 1. С. 37–59.
- Павловский Е.Н. Организм как среда обитания // Природа. 1934. № 1. С. 80–91.
- Полянский Ю.И. О научных зоологических школах Ленинградского университета и Петергофского биологического института // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Т. 1. С. 29–38.
- Полянский Ю.И. Валентин Александрович Догель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 54 с.
- Полянский Ю.И. Годы прожитые. Воспоминания биолога. СПб.: Наука, 1997. 249 с.
- Проблемы общей паразитологии. Сборник докладов студенческого семинара под ред. проф. А.А. Филипченко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1937. 118 с. (Ученые записки ЛГУ. Сер. биол. Т. 3. Вып. 4).
- Райков Б.Е. Из истории зоологии в Ленинградском государственном университете // Вестник ЛГУ. 1953. № 4. С. 73–86.
- Ройтман В.А., Беэр С.А. Паразитизм как форма симбиотических отношений. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2008. 310 с.
- Тушинский М.Д., Филипченко А.А. Рецидивы малярии и их лечение // Ленинградский медицинский журнал. 1926. № 3. С. 34–44.
- Федотов Д.М. Владимир Данилович Зеленский // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. 1930. Т. 60. Вып. 1. С. 3–5.
- Филипченко А.А. Критический разбор главных гипотез патогенеза малярии // Микробиологический журнал. 1925а. Т. 1. Вып. 3. С. 208–217.
- Филипченко А.А. Паразитологические наблюдения над *Plasmodium vivax* при рецидивах малярии // Микробиологический журнал. 1925б. Т. 1. Вып. 3. С. 218–238.
- Филипченко А.А. Протозойные заболевания и иммунитет // Микробиологический журнал. 1928. Т. 8. Вып. 2. С. 93–108.
- Филипченко А.А. Амебиазис // Микробиологический журнал. 1929. Т. 9. Вып. 3. С. 396–415.
- Филипченко А.А. Влияние температуры на жизнеспособность цист дизентерийной амебы (*E. histolytica*) // Труды института им. Пастера. 1935. Т. 2. С. 10–23.
- Филипченко А.А. К эпидемиологии аскаридоза // Труды института им. Пастера. 1935. Т. 2. С. 123–150.
- Филипченко А.А. Экологическая концепция паразитизма и самостоятельность паразитологии как научной дисциплины // Ученые записки ЛГУ. Сер. биол. 1937. Т. 3. Вып. 4. С. 4–14.
- Филипченко А.А., Пик Э.М. Протозоологическое обследование населения г. Ленинграда. I. Протозойные кишечные инфекции среди служащих пищевой сети Петроградского районного рабочего кооператива // Микробиологический журнал. 1929. Т. 8. Вып. 1. С. 3–9.
- Филипченко А.А., Вигдорова Р.И. Протозоологическое обследование населения г. Ленинграда. 4. Кишечная протозойная флора среди амбулаторных больных Выборгской поликлиники // Микробиологический журнал. 1929. Т. 9. Вып. 1. С. 19–23.
- Филипченко А.А. Кишечные простейшие человека // Природа. 1930. № 11–12. С. 1110–1126.
- Филипченко А.А. Кишечные простейшие и вызываемые ими заболевания. Руководство для врачей и лабораторных работников. Л.: Ленмедицат, 1933. 212 с.

Филипченко Ю.А. Несобственные воспоминания (составление, предисловие и примечания М.Б. Конашева) // Русская жизнь в мемуарах. Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 144–174. («Нестор», № 12.)

Фокин С.И. 45 лет спустя. Дополнения к биографии // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882–1955) / Под ред. С.И. Фокина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 111–142. (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 95. Сер. 1).

Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 378с.

Фокин С.И. Валентин Александрович Догель. Его время, окружение и путешествия // Ваш любящий Валя. Валентин Александрович Догель (1882–1955). Письма домой / Под ред. С.И. Фокина. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. С. 23–65.

Фокин С.И. У истоков экологической паразитологии // Паразитология. 2014. Т. 48. Вып. 6. С. 472–479.

Alexander Alexandrovitch Philiptschenko (1884–1938): at the Background of Ecological Parasitology

SERGEI I. FOKIN

University of Pisa, Pisa, Italy and Sankt-Petersburg State University,
Sankt-Petersburg, Russia; sifokin@mai.ru

The full biography of A.A. Philiptschenko – a medicine doctor and scientist-parasitologist, – one of the founders of ecological parasitology in Russia is presented for the first time. His fate and participation in the formation of this biological discipline were concealed for a long time. One reason for this was Philiptschenko death in 1938 during the course of mass repressions at the hands of the Soviet State. A Russian political convict, emigrant, and graduate from the medical faculty of Rome University, the younger brother of Y.A. Philiptschenko (founder of Petrograd genetics scientific school), Alexander Alexandrovitch started his parasitological investigations only in 1923, and in less than 15 years became an acknowledged scientist and teacher. After his death the teaching duty on parasitology in Leningrad University and publication of the appropriate text-book were done by V.A. Dogiel who usually is considered as personal founder of the ecological parasitology, which is not completely so.

Keywords: Alexander Philiptschenko, Valentin Dogiel, ecological parasitology, Leningrad University, Dogiel's scientific school.